

**19.****Пацифистские иллюзии в Армении и “баланс угроз” в карабахском конфликте\***

СЕРГЕЙ МИНАСЯН

Эксперты, в той или иной степени серьезно занимающиеся карабахским конфликтом, давно уже уяснили себе, что любые решения этой проблемы, и тем более перспективы будущей постконфликтной архитектуры региональной безопасности Южного Кавказа, результативно могут быть найдены исключительно в политико-правовой сфере. Наряду с этим, правовая составляющая разрешения любого конфликта, и карабахский не является исключением, всегда страдает определенной стереотипностью и консервативностью, и эффективна только тогда, когда используется не для обоснования или оправдания ранее существовавшей до конфликта ситуации, а для легитимизации и фиксации уже достигнутых политических реальностей.

При этом если принять то положение (разделяемое большинством экспертов-правоведов), что субъектами международного права являются в первую очередь государства, надо вместе с тем признать, что наиболее важные исторические и политические события, способствующие возникновению “новых” или гибели “старых” государств, происходят вне правового поля и являются внешними по отношению к нему. Если подойти к вопросу с иной точки зрения, то можно предположить, что эти исторические и политические события и реальности порождают новый правовой порядок. Более того, учитывая мнение ряда правоведов, утверждающих, что появление и исчезновение государств не представляет собой события метаправового (переходно-правового) характера, а также допуская правомерность теории, согласно которой

\* [www.regnum.ru/news/556167.html](http://www.regnum.ru/news/556167.html); 07.12.2005; Закавказская шеф-редакция ИА REGNUM.

признание того или иного государства со стороны других есть акт скорее политический, нежели юридический, или, во всяком случае, не образующий элементов права, то “юридическое существование нового государства зависит не от признания его другими государствами, а от объективного выполнения некоторых условий, предписываемых международным правом государству, могущему быть признанным”. Таким образом, исходя из вышеуказанной международно-правовой логики и проецируя ее на реалии Южного Кавказа, очевидно, что важнейшим фактором, квалифицирующим юридическую (и тем более политическую) состоятельность Нагорно-Карабахской Республики является ее соответствие целому ряду показателей, являющихся неотъемлемыми атрибутами любого государства.

Вместе с тем, надо отметить, что наряду с полным соответствием НКР всем этим атрибутам государственности, республика играет также роль важнейшего, даже системообразующего политического фактора безопасности и стабильности Южного Кавказа. Тот факт, что в традиционном международно-правовом поле НКР пока еще не признана, вовсе не означает, что это может каким-то образом отразиться на ее физическом “выживании” и приуменьшить роль, которую она играет в современной архитектуре региональной безопасности. Согласно мнению одного из известных западных экспертов, НКР “играет долгую игру, в которой не проиграть - означает выиграть”, и, несмотря на отсутствие международного признания, становится важным политическим игроком в регионе. Этот процесс необратим, и реакция международного сообщества, в первую очередь ряда ведущих региональных и внерегиональных держав, показывает, что они не только не будут препятствовать или оказывать давление на Ереван и Степанакерт для торпедирования этого поступательного процесса становления НКР как фактора безопасности, но и сами отчасти в нем заинтересованы. Причем этот процесс отнюдь не увязывается с необходимостью чрезмерного форсирования окончательного урегулирования всей карабахской проблемы, так как есть вполне четкое представление о возможных негативных последствиях такого ускоренного урегулирования.

Однако в последнее время отдельными представителями экспертно-аналитического сообщества Армении, в том числе находящимися в лапидарных отношениях с силами, влияющими на процесс принятия решений в сфере внешней и оборонной политики, чересчур поспешно выдвигаются идеи и проекты, которые не только не учитывают общей логики развития процессов вокруг карабахской проблемы, но и способны поставить под угрозу сам процесс становления НКР как самодостаточного государства и фактора региональной безопасности. Эти идеи, которые, следует надеяться, естественно выдвигаются лишь с благими целями, в то же время не только не являются реалистичными, но и четко подпадают под определение идей фактически пацифистских, т.е. заведомо иллюзорных и одновременно в случае реализации очень опасных для достижения долговременного мира в нашем регионе.

Сомнение вызывают даже не самый первый пункт, где делается расчет на действенность публичного декларирования Азербайджаном отказа от силового решения карабахского конфликта. Для представления всей опасности таких “гарантий” достаточно лишь вспомнить несколько примеров из мировой истории, например “Пакт Бриана-Келлога” 1928 г. или англо-германскую декларацию “о намерении никогда не воевать друг с другом”, подписанную Гитлером и Чемберленом 1 октября 1938 г., на второй день после Мюнхенского сговора, приведшие в итоге ко Второй мировой войне. К чему могут привести надежды лишь на публичное декларирование неприменения силы со стороны государства, ответственного за геноцид и массовые этнические чистки армянского населения, нет нужды говорить.

В правовом аспекте предлагаемый проект также страдает большой ущербностью во всем блоке, связанном с “возможностью применения территориальной целостности в отношении Азербайджанской Республики” и ее претензий на территории Низинного Карабаха, которые находятся под юрисдикцией НКР. Азербайджанская Республика не является правопреемницей Азербайджанской ССР и поэтому она не может претендовать в абсолютном, не терпящем никакого контраргумента смысле на

всю территорию бывшей Аз.ССР. Таким контраргументом в правовом смысле выступает “эффективный контроль” НКР (с учетом правовой безукоризненности самого факта создания республики на основе референдума от 10 декабря 1991 г.) над теми своими историческими территориями, над которыми ни Азербайджанская Демократическая Республика “образца 1918-1920 гг.”, ни Азербайджанская Республика “образца 1990-х - 2000-х гг.” никогда такого контроля не осуществляли, равно как и не имели тех легитимно установленных или признанных международным сообществом границ, на которые в настоящее время предъявляет претензии руководство Азербайджана. В частности, напомним, что образованная в 1918 г. в результате турецкой агрессии в Закавказье и впервые появившаяся на политической карте АДР предъявила необоснованные территориальные претензии ко всем соседним государствам на территории от Баку до Батуми, представив в 1919 г. в Лигу наций соответствующий документ. Однако Лига наций не посчитала эти претензии АДР законными (что явилось главной причиной отказа Лиги де-юре признать АДР) и данное государство покинуло политическую карту мира без международно признанных и легитимных границ. Азербайджанская Республика, провозглашенная в 1991 г., фактически вернулась к правовым реалиям 1918-1920 гг., тем самым став правопреемницей государства, не имевшего международно признанных границ, и соответственно, каких либо прав на территории, ныне находящиеся под юрисдикцией НКР. Более того, даже принятие Азербайджана в ООН, ОБСЕ и ряд других международных организаций (равно как и остальных постсоветских государств) явилось следствием инерции международной правосубъектности СССР и не предполагало какого-то признания этими организациями тех границ и территорий, на которые сейчас предъявляет права официальный Баку.

Исходя из вышеуказанного, упоминание самой “возможности” проведения дополнительного референдума в НКР со стороны государственного служащего, находящегося на содержании Республики Армения, не только дискредитирует идею, во имя которой в ходе национально-освободительной войны отдали жизнь

тысячи людей, но и является попыткой поставить под сомнение факт проведения безукоризненного с политико-правовой точки зрения референдума 10 декабря 1991 г., т.е. события, о котором каждый день десятки тысяч армянских детей в Карабахе, в Армении и во всем мире с гордостью узнают из школьных учебников. Это тем более никак не увязывается с самим текстом предлагаемого проекта, в первой части которого самим автором четко обосновывается правовая безукоризненность референдума 10 декабря 1991 г. о независимости НКР.

Вышеупомянутые и многие другие пункты проекта хотя и сомнительны с точки зрения адекватного восприятия (причем сам автор видимо сознательно подчеркивает их декларативность), но еще большее удивление и озабоченность вызывают те блоки, которые относятся к важнейшей составляющей решения проблемы - политического и военно-политического механизма разрешения карабахского конфликта и его гарантий. Ведь именно от того, насколько этот механизм реалистичен и реализуем, причем не только в контексте краткосрочного урегулирования карабахского конфликта, но и с точки зрения “реструктурирования всей архитектуры безопасности на Южном Кавказе”, зависит ценность предлагаемого проекта для перспектив долгосрочного мира в регионе. В частности, в проекте предусматривается “снижение уровня милитаризованности Азербайджана и Армении посредством согласованного трансформирования их систем обороны под контролем международных организаций ЕС, ОБСЕ, НАТО и ОДКБ”. Оставим в стороне саму возможность действительного функционирования и “сопряжения” интересов вышеуказанных организаций в нашем регионе, тем более в сфере обороны и безопасности. Это вообще тема отдельного анализа, причем с заведомо отрицательными результатами. Рассмотрим более подробно ключевой, с нашей точки зрения, аспект нахождения “механизма снижения милитаризованности Азербайджана и Армении” в контексте предлагаемого проекта. Несмотря на все декларативные заявления о вовлеченности НАТО, ЕС, ОДКБ, ОБСЕ и других организаций в мирный процесс, все они до сих пор имеют лишь один действующий механизм по контролю над вооруже-

ниями и военной деятельностью, который можно использовать для снижения милитаризованности государств Южного Кавказа. Этим механизмом является Договор об обычных вооруженных силах в Европе и сопряженные с ДОВСЕ Меры укрепления доверия и безопасности (CSBM), периодические инспекции и другие мероприятия, предусмотренные или осуществляемые в рамках ОБСЕ. Несерьезно предполагать, что возможно эксклюзивное создание иного механизма по контролю над вооружениями и снижению милитаризованности для обеспечения мирного процесса в Нагорном Карабахе. Но в этих условиях приходится к сожалению констатировать, что ныне действующий в Европе (и созданный с таким трудом в течение предшествующих трех десятилетий) режим контроля над обычными вооружениями переживает серьезнейший кризис. Даже адаптация ДОВСЕ на Стамбульском саммите ОБСЕ в 1999 г. не добавила эффективности этому механизму. В реальности Адаптированный ДОВСЕ не только не работает, но и не ратифицирован ведущими западными странами, туда не входят даже некоторые нынешние члены НАТО, а военнополитическое руководство России в последние годы уже не раз на самом высоком уровне заявляло о возможном выходе из него. Более того, если называть вещи своими именами, ни европейское, ни мировое сообщество так и не смогли создать реального механизма по контролю и ограничению вооружений, причем не только обычных. Кризис переживает не только ДОВСЕ, но даже режимы контроля над оружием массового поражения, что подтверждается фактами дальнейшего распространением ОМП в Восточной и Юго-Восточной Азии. В результате, возникает ситуация, когда Азербайджан уже 15 лет нарушает ДОВСЕ, по крайней мере по трем категориям в 2-2,5 раза превышая свои национальные предельные уровни наличия вооружений и военной техники, мировое сообщество молчит (несмотря на прекрасную осведомленность по реальному положению дел), а европейское экспертное сообщество не решается даже указывать цифры имеющейся в арсенале Баку ВВТ, чтобы окончательно не дискредитировать и еще немного “продлить жизнь” пока еще долго безальтернативному ДОВСЕ. И после этого предлагать, чтобы такой

механизм был использован для контроля над снижением милитаризованности Азербайджана?

Другим важным военно-политическим элементом предлагаемого проекта является введение в зону конфликта миротворческих контингентов, как гарантов не возобновления военных действий. Но надо отметить, что мировая практика последних 50 лет показывает, что миротворцы, как политический инструментарий для урегулирования вооруженных конфликтов эффективны исключительно в лишь двух ситуациях. Если стороны конфликта уже достигли реального баланса сил и считают конфликт окончательно исчерпанным, или же если одна из сторон по итогам конфликта достигла настолько ощутимого перевеса (как например албанцы в Косово в 1999 г.), что миротворцы нужны были лишь для придания легитимности создавшейся ситуации в зоне конфликта. Иначе наличие в зоне конфликта любых контингентов миротворцев не даст гарантий повторения трагедий, как это случилось например в Сребренице, когда батальон голландских миротворцев не смог предотвратить гибель тысяч людей. Или последний случай в косовской Митровице в марте 2004 г., когда наличие многочисленного контингента KFOR не смогло предотвратить массовые столкновения сербов и албанцев, приведшие к новым этническим чисткам. И это произошло в самом центре Европы! Нужно отметить и такой немаловажный фактор, как негарантированность самого долговременного присутствия миротворцев в зоне конфликта или политические форс-мажорные обстоятельства, которые объективно сделают их присутствие невозможным или нежелательным. Скажем, в 1990 г. СССР позиционировал себя (вместе с США) в качестве важнейшего гаранта по израильско-арабскому мирному процессу. Все помнят, а что случилось с самим СССР ровно через год? Или Россия, которая выступила в качестве гаранта мира в Абхазии и Южной Осетии. Если исходить из императива сохранения стабильности и не возобновления боевых действий, то Москва относительно хорошо справлялась со своей ролью гаранта почти 10 лет, пока ослабление ее позиций на Южном Кавказе в итоге не привело к выдвиганию требований о выводе ее подразделений из этих конфликтных зон,

что в скорой перспективе может привести к весьма серьезным последствиям для Абхазии и Южной Осетии. Могут НАТО или ОДКБ дать самим себе гарантии, что через 5-10 лет они сохранятся как действенные военно-политические организации, тем более способные не только “сопрягать” свои интересы в зоне конфликта, но и содержать там действенные миротворческие контингенты? Внезапный “уход” или нивелирование потенциала любого из гарантов карабахского мирного процесса, да и всей региональной безопасности Южного Кавказа, неминуемо приведет к разрушению всей системы.

Такая пессимистическая оценка предлагаемого проекта неминуемо вынуждает искать собственного ответа на вопрос, а есть ли какие-то иные способы достижения долговременного мира в зоне карабахского конфликта и во всем регионе Южного Кавказа в целом?

Любое возможное решение карабахского конфликта должно обязательно предусматривать его долгосрочность и стабильность на перспективу. На первый взгляд представляется, что для этого политическая наука и практика не нашли до сих пор иных механизмов, кроме как достижения сторонами ситуации “баланса сил”. Причем этот “баланс сил” должен содержать и взаимный элемент сдерживания для всех сторон, вовлеченных в конфликт. Полвека “холодной войны” двадцатого века, несмотря на ее идеологическую остроту, дали прекрасный пример стабильности и безопасности. Если мир не скатился к третьей мировой войне, то исключительно из-за политики сдерживания, с разным успехом, но с одинаковой решимостью используемой двумя противостоящими блоками. Вместе с тем, надо отметить, что классический “баланс сил” периода “холодной войны” уже не является панацеей для урегулирования сложных вооруженных конфликтов современности. И дело не только в различных исторических и идеологических контекстах. Совершенно ясно, что достичь зеркального и симметричного “баланса сил” в зонах конфликта никогда не удастся, и это тем более справедливо применительно к треугольнику противостояния “НКР-Армения-Азербайджан”. Кстати, многие сторонники форсированного урегулирования кон-



фликта аргументируют это именно надуманными фактами о возможном достижении Азербайджаном в скором будущем \$600 млн. военного бюджета или постоянным экономическим и демографическим неравенством потенциалов сторон. Весьма сомневаясь в реальности указанных цифр и аргументов, следует уточнить, что как показывает научный и исторический опыт, мир и безопасность поддерживаются не только и не всегда исключительно арифметическим и количественным соотношением силовых потенциалов сторон. Например, нынешняя относительная стабильность в зоне арабо-израильского конфликта обеспечивается не только и не столько “балансом сил”, сколько четко осознаваемой сторонами неотвратимости наказания и возмездия для агрессора, что в неореалистической политологической терминологии называется термином сдерживания политикой “баланса угроз”.

Главный смысл сдерживания политикой “баланса угроз” заключается в том, чтобы у противостоящих сторон сложилась уверенность, что те потери, которые понесет государство-инициатор боевых действий, в любом случае и при любом исходе вооруженного конфликта превзойдут все выгоды начала войны. С этой точки зрения нельзя не учитывать значения территорий Низинного Карабаха, на которые ныне распространяется юрисдикция НКР, не только как важнейшего элемента ее безопасности и развития, но и как важного условия не возобновления военных действий. Ведь, кроме всего прочего, они будут условиями безопасности не только для нынешнего населения НКР, но и для беженцев и временно перемещенных лиц из числа бывших граждан Азербайджанской ССР, которые в ближайшей перспективе могут стать гражданами НКР и расселиться на этих территориях.

В сложившихся условиях военно-политический баланс в зоне карабахского конфликта можно охарактеризовать как качественно-количественное равенство противоположных сил, где наряду с чисто техническими показателями важную роль играет географический фактор и нынешняя удобная для оборонительных действий конфигурация границ НКР. Естественно, количественное превосходство Азербайджана в боевой технике и в численно-

сти личного состава во многом компенсируется качественным превосходством Вооруженных Сил Армении (как основного гаранта безопасности народа НКР) и Армии обороны Нагорного Карабаха. Но при этом надо также учитывать комплексное соотношение как различных типов и систем вооружений, так и возможность их эффективного применения в случае возможного возобновления военного конфликта: также превосходство Азербайджана в наступательных вооружениях компенсируется и оптимальностью (с военной точки зрения) нынешних оборонительных позиций НКР. Иными словами, нынешняя конфигурация оборонительных позиций карабахской армии, в том числе за счет территорий Низинного Карабаха, позволяет ликвидировать или компенсировать угрозу для региональной безопасности, которую создают бесконтрольные и массовые закупки Азербайджаном вооружения и военной техники. В этом случае для инициатора вероятного возобновления конфликта, каким может стать исключительно Азербайджан, повышается уровень возможных боевых потерь в случае начала военных действий, что является наиболее реальным и действенным элементом его сдерживания.

Вместе с тем, надо понимать, что сторона может оперировать категориями сдерживания или баланса угроз, как элемента региональной безопасности, надеяться на адекватное и действенное восприятие противостоящей стороны только в том случае, если у противоположной стороны будет уверенность в готовности данной страны решиться на такие действия. В этом аспекте очень важно повышение эффективности как оборонной, так и внешней политики Армении, а также оперативности процесса принятия решений в данной сфере. Кроме этого, лица, ответственные за принятие решений и формирование позиции по карабахской проблеме, не должны далее игнорировать место и роль государственных структур и гражданского общества НКР по переговорному процессу. Представляется ущербным то, что в переговорном процессе НКР более серьезно воспринимается внешними игроками, чем определенными силами во властных структурах Армении. В конце концов, наличие согласованной позиции с НКР в переговорном процессе в Ереване должно рассматри-

ваться как важный фактор, который позволил бы самой Армении осуществлять необходимый маневр. Упорное нежелание определенных сил реализовать этот потенциал НКР невозможно объяснить какими-либо “высшими соображениями”. Нет сомнений в том, что карабахское общество попытается принимать более активное участие в решение судьбы своей родины и поэтому все проекты и инициативы из Еревана вокруг мирного процесса должны учитывать мнение НКР. Только тогда они будут восприниматься как адекватные и реальные.